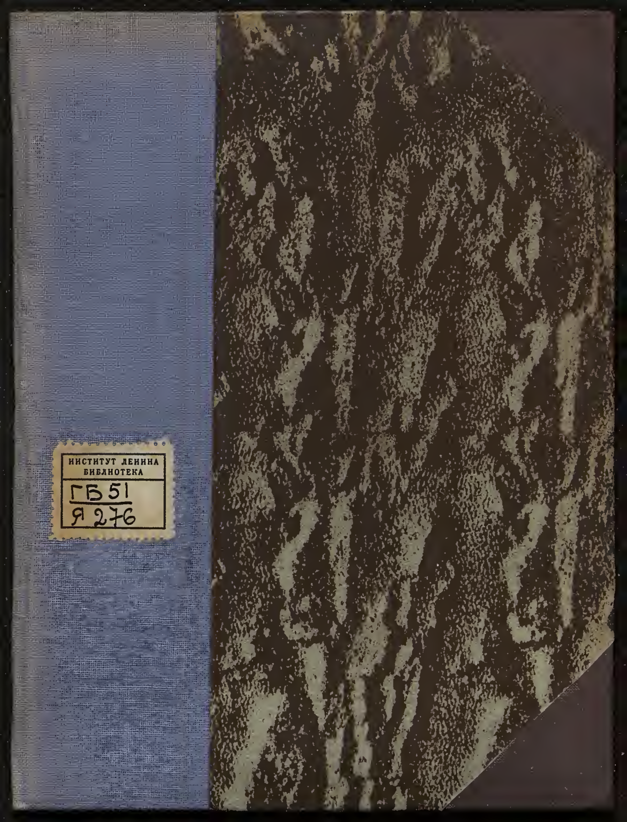

НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ.

Подъ общей редакціей Я. Д. Маковскаго.

№ 17.

Валерій Язвицкій.

I.

Какъ народъ добился своихъ правъ.

II.

Какъ закрѣпить свободу.

Цѣна 25 коп.

ИЗДАНІЕ Д. Я. МАКОВСКАГО.
Москва, 1917 г.

НАРОДНОЕ ЧТЕНІЕ.
Подъ общей редакціей Я. Д. Маковскаго.

№ 17.

Валерій Язвицкій.

I.

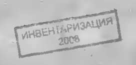
Какъ народъ добился своихъ правъ.

II.

Какъ закрѣпить свободу.

ИЗДАНІЕ Д. Я. МАКОВСКАГО.
Москва, 1917 г.

МОСКВА — 1917.
Товарищество ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
Арбатскій пл., Филипповскій пер., 11.

I.

Какъ народъ добился своихъ правъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Всѣ люди одинаковы, родятся и умираютъ одинаково, только живутъ всѣ по-разному. Одинъ родился во дворцѣ — и его ужъ съ пеленокъ готовятъ въ цари; а другой родился въ избѣ—и онъ всю жизнь будетъ землю ковырять. Кажется, будто и порода у людей разная: бѣлая кость и черная. Многіе такъ и думали, да и теперь еще, пожалуй, кой-кто думаетъ. Такой взглядъ на дѣло былъ очень выгоденъ для тѣхъ, кто хорошо устроился и особенно для тѣхъ, кто устраивался за чужой счетъ.

Такіе ловкіе люди никакихъ перемѣнъ никогда и ни въ чемъ не хотѣли, наоборотъ, всегда стремились сохранить въ жизни такой порядокъ, при которомъ имъ хорошо было бы и который бы сохранился для ихъ дѣтей и внуковъ. Но такихъ довольныхъ и счастливыхъ людей на Руси было мало, а несчастныхъ, голодныхъ и недовольныхъ—очень много. И жизнь русская сложилась такъ: внизу, у самой земли, копошился весь мно-

гомилліонный русскій народъ: пахалъ, сѣялъ, собиралъ въ потѣ лица хлѣбъ свой или работалъ, не разгибая спины, на фабрикахъ; на плечахъ этого народа сидѣли помѣщики, богачи, крупные чиновники; а надъ всѣми ими сидѣлъ царь, окруженный знатью, подъ защитой толпы полицейскихъ и жандармовъ.

Говорится — съ міру по ниткѣ, голому рубаха. Тутъ же выходило иначе. Разные голыши да бѣдняки добывали своимъ горбомъ гроши, изъ которыхъ чуть не половина переходила въ карманы тѣхъ, кто сидѣлъ выше ихъ, составляя уже тысячи, а когда приходили къ самому высокому, собираясь въ одну кучу, превращались уже въ милліоны, и царь получалъ одинъ на содержаніе себя, семьи и дворца много милліоновъ рублей ежегодно. Поговорку-то они такимъ образомъ выворачивали совсѣмъ наизнанку: брали по послѣдней ниткѣ съ голаго, и ткали себѣ каждый на богатую рубашку.

Поэтому рабочій и крестьянскій народъ всегда былъ противъ царскихъ порядковъ, бунтовалъ и волновался, добиваясь лучшаго, а тѣ, кому было жить вольготно и хорошо, перемѣнъ никакихъ не желали. А такъ какъ лучше всего жилось царю, то всякій царь пуще огня боялся смуты и всѣхъ тѣхъ честныхъ людей изъ образованныхъ и писателей, которые хотѣли народу помочь устроить свою жизнь по-хорошему, мучилъ въ тюрьмахъ, убивалъ, истязлъ. На этотъ-то вотъ случай цари и содержали вокругъ себя такую уйму полиціи, жандармовъ и разныхъ черносотенцевъ, платя имъ все тѣ же народныя деньги. Выходило такъ, значитъ, что при царяхъ народъ работалъ, осыпалъ деньгами царей, да еще принуждаемъ былъ на свой счетъ палку имѣть для самого себя.

Какъ же это случилось и откуда эта несправедливость пошла на Руси? Всякій, кому плохо жилось, не разъ надъ этимъ призадумывался, но, можетъ быть, не знаетъ, какъ объяснить. Въ нашей книжкѣ мы и постараемся объяснить, какъ завелось на Руси неравенство, откуда пошли цари, откуда пошла сказка о бѣлой и черной кости и какъ русскій народъ попалъ въ нищету, темноту и подневольную жизнь.

Далекая старина.

Ничего на свѣтѣ сразу и безъ причины не дѣлается. И на Руси самодержавіе и закабаленіе народа тоже создались не сразу. Давнымъ давно, въ далекую старину русскій народъ жилъ вольно. Правда, и тогда уже были богатые и бѣдные, князья и „черный" народъ, но были и сходы общенародные, гдѣ народный голосъ властно звучалъ.

Бывали, напримѣръ, такіе случаи, что какой-нибудь князь пытался своевольничать или шелъ наперекоръ народной волѣ, стараясь захватить всю власть. Возмущенные граждане созывали тогда большой сходъ, призывали князя и указывали ему на всѣ его провинности. Потомъ, если народъ, обсудивъ поведеніе князя, находилъ его вреднымъ для себя, то говорилъ прямо:

— Нынѣ, княже, не можемъ терпѣть насилія твоего, ступай отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ.

Послѣ этого князь долженъ былъ уйти въ отставку

и уѣхать въ другой городъ. Если же князь упрямился, его прогоняли силой. Не могли также князья начинать войны или заключать миръ безъ согласія народа. Народъ самъ рѣшалъ, когда нужно воевать. Такъ одинъ князь кіевскій, Изяславъ, хотѣлъ воевать съ другимъ княземъ изъ рода Владиміра Мономаха, но народъ этого не одобрилъ и сказалъ:

— Княже, ты на насъ не гнѣвайся, мы не можемъ на владиміровo племя руки поднять!

Но былъ и такой случай, когда народъ захотѣлъ наказать враговъ, напавшихъ на него. Тогда на сходѣ всѣ заявили князю:

— Всѣ пойдутъ на войну; а кто не пойдетъ, того мы сами побьемъ.

Такъ управлялись на Руси встарину, но потомъ все стало мѣняться. Началось это съ завоеванія Россіи татарами. Первый набѣгъ татары совершили въ 1224 г. и послѣ многихъ разореній, изъ которыхъ самое сильное было въ 1237 г., татарскіе ханы или цари вырѣзали и выжгли почти всѣ города русскіе, а русскихъ сдѣлали своими подданными, то-есть заставили платить себѣ дань и на себя работать.

Русскіе защищали родину геройски, костьми за нее ложились, много и князей полегло на полѣ брани, но многіе и сдались изъ князей татарскимъ царямъ и пошли къ нимъ на службу, чтобы головы спасти и получить милости. Татары ихъ приняли и сдѣлали своими подручными. И стали тогда эти князья холопами татарскихъ царей и господами надъ своими русскими братьями.

Двѣсти лѣтъ такъ были русскіе въ рабствѣ у татаръ, и татарскіе цари смотрѣли на русскихъ, какъ на

рабочій скотъ, отдавали ихъ въ рабство и своимъ князьямъ и русскимъ, тѣмъ, которые умѣли лучше къ царю подольститься. Скоро такимъ образомъ татарскіе и русскіе князья, каждый въ своемъ княжествѣ, сдѣлались царьками, а народъ потерялъ всѣ права и свободы. За всякую попытку защититься отъ своевольства князей и татарскаго царя, народъ жестоко наказывали татарскія войска, вырѣзывали цѣлые города и села, пытали и казнили самыми лютыми казнями. Народъ изнемогалъ отъ своевольства, поборовъ и грабежей и готовъ былъ на все, чтобы избавиться отъ татарскаго ига. Это поняли самые хитрые князья изъ русскихъ, князья московскіе, и начали привлекать къ себѣ народъ, обѣщая прогнать татаръ. Кромѣ того князья эти успѣли страшно разбогатѣть, ибо они собирали для татарскихъ царей подати съ русскаго народа и много изъ собранныхъ денегъ утаивали. Видѣли также эти князья, что между татарами начались междуусобія и нелады, что татары сильно слабѣть отъ этого начали, и задумали они отъ татаръ совсѣмъ отпасть, а себѣ захватить такую же царскую власть, какая была у татарскихъ царей.

Какъ появились русскіе цари.

Русскіе князья, какъ мы говорили, пытались самовольничать и раньше, но народъ имъ не позволялъ. При татарахъ же руки у нихъ оказались развязанными, и, думая освободиться отъ татаръ, народа освобождать совсѣмъ не хотѣли.

Поэтому, когда русскій народъ, наконецъ, освободился отъ татарскаго ига, то русскіе цари по примѣру татарскихъ не давали управляться народу выборными старѣйшинами и рѣшеніями на сходахъ, а насажали повсюду своихъ подручныхъ изъ служилыхъ людей и своихъ придворныхъ. Вмѣсто же жалованья русскіе цари дарили своимъ подручнымъ народныя земли. Народъ такимъ образомъ обезземеливался, бѣднѣлъ и совсѣмъ сталъ забывать о своихъ правахъ; а казни, пытки, битье кнутами, что русскіе цари охотно позаимствовали отъ татарскихъ, совсѣмъ запугали народъ, и онъ сталъ падать на колѣни передъ бывшими своими князьями, какъ передъ земными богами, тѣмъ болѣе, что духовенство объявило ихъ помазанниками Божьими, конечно въ угоду этимъ князьямъ.

Особенно царская власть поднялась при самомъ жестокомъ и развратномъ царѣ, при Иванѣ Грозномъ. Этотъ царь уже не хотѣлъ знать никакихъ законовъ. Онъ завелъ около себя опричниковъ, особое войско, какъ послѣдніе наши цари—жандармовъ и шпіоновъ.

Опричники грабили всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ, убивали и мучили, говоря, что выводятъ крамолу противъ царя, а царь принималъ доносы своихъ слугъ, казнилъ безъ числа людей, а имущество казненныхъ дарилъ опричникамъ.

Этотъ „благочестивѣйшій самодержецъ" распутничалъ, пьянствовалъ все время, убивалъ своими руками многихъ, а въ томъ числѣ убилъ своего родного сына Ивана.

Нельзя и перечислить всего, что дѣлалъ преступнаго этотъ человѣкъ, который считалъ, что царь долженъ быть самодержцемъ, надъ всѣми властвовать и никого ни въ чемъ не слушать.

Святой Филиппъ, митрополитъ московскій, отказался его благословлять и въ соборѣ, при всемъ народѣ, сказалъ царю:

— Съ тѣхъ поръ, какъ солнце сіяетъ на небесахъ, не было слышно, чтобы цари такъ возмущали свою державу. Доколѣ въ Русской землѣ будетъ беззаконіе? У всѣхъ народовъ, у татаръ и язычниковъ, есть законъ и правда, только на Руси ихъ нѣтъ. Во всемъ свѣтѣ есть защита отъ злыхъ и милосердіе, только на Руси не милуютъ невинныхъ и праведныхъ.

Вотъ, по опредѣленію Св. Филиппа, какъ правили русскіе цари, но, какъ и всѣ цари, что были раньше и послѣ,—„самодержавнѣйшій и благочестивѣйшій" царь Иванъ не внималъ голосу честныхъ совѣтниковъ. Филиппъ ничего не добился, а только сталъ мученикомъ за народъ. Царь его сослалъ, а потомъ велѣлъ задушить.

Вотъ, что случилось на Руси, когда народъ потерялъ волю, а цари сдѣлались самодержцами.

Однако, этимъ зло отъ установленія самодержавной власти не исчерпалось.

Черные люди и помѣщики.

Цари своимъ властвованіемъ вкорень измѣнили всѣ отношенія между русскими людьми. Чтобы угнетать народъ, имъ нужны были тоже угнетатели, пособники. Своихъ преданныхъ слугъ изъ дворянъ и бояръ цари, какъ мы говорили, стали награждать помѣстьями, и тѣ сдѣлались помѣщиками.

Помѣщики освобождались отъ всякихъ податей, служили только государю—въ приказахъ *) и въ войскѣ.

*) Т.-е. канцеляріяхъ, управленіяхъ.

Крестьне же въ жалованныхъ дворянамъ помѣстьяхъ должны были содержать своихъ помѣщиковъ, платить имъ оброки и обрабатывать ихъ землю. Конечно, помѣщики старались какъ можно больше выжать пота изъ своихъ крестьянъ, а поэтому всѣми средствами добивались такихъ царскихъ указовъ, чтобы закрѣпостить ихъ, пока не превратили въ постоянныхъ крѣпостныхъ рабовъ.

Эти вотъ помѣщики составили вмѣстѣ съ другими царскими подручными высшее сословіе—дворянство, отъ нихъ и пошли люди бѣлой кости. Всѣ другіе люди, которые жили своимъ собственнымъ трудомъ, какъ честные работники, носили названіе черныхъ или подлыхъ людей. Это были крестьяне, ремесленники и торговцы, не считавшіеся уже за людей.

Особенно тяжело стало чернымъ людямъ при Романовыхъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Тогда всякій помѣщикъ былъ въ своей усадьбѣ тѣмъ, чѣмъ былъ раньше Иванъ Грозный на престолѣ, и могъ покупать и продавать крестьянъ, какъ скотъ. Измученные крестьяне тогда впервые начали бунтовать и убѣгать отъ помѣщиковъ на самыя дальнія окраины. И уже царь Алексѣй Романовъ выступилъ на защиту помѣщиковъ и издалъ въ 1658 году указъ, гдѣ говорилось: „бѣглецовъ сыскивать всякими способами и отдавать „ихъ прежнимъ помѣщикамъ; а которые помѣщиковъ „своихъ разорили, тѣхъ повелѣли мы бить кнутомъ „нещадно; а пущихъ воровъ, которые, бѣжавъ, помѣ„щиковъ своихъ до смерти побили или домы ихъ со„жгли, указали мы казнить смертью, по сыску велѣли „мы вѣшать, чтобы впредь инымъ такъ воровать было „неповадно“.

Первый бунтъ.

При этомъ-то царѣ изъ дома Романовыхъ и случился самый первый изъ большихъ крестьянскихъ бунтовъ, когда народъ пошелъ на притѣснителей и на царское управленіе.

Начался этотъ мятежъ съ 1667 года, когда во главѣ казаковъ и бѣглыхъ крестьянъ всталъ Степанъ Разинъ, атаманъ донскихъ казаковъ. Съ первыхъ же шаговъ Разинъ заявилъ, что онъ пришелъ „бить бояръ да „богатыхъ, а съ бѣдными и простыми готовъ всѣмъ „подѣлиться".

Разинъ быстро собралъ вокругъ себя массу сторонниковъ, и послѣ похода на Персію захватилъ Царицынъ, Астрахань, потомъ Саратовъ и Самару. Народъ повсюду радостно присоединялся къ нему, какъ къ избавителю. Во многихъ городахъ люди возстали и перешли къ мятежникамъ. Рязань, Воронежъ, Пенза, Алатырь, Саранскъ, Ломовъ, Тамбовъ и другіе бунтовали, и въ Москвѣ говорили о Разинѣ и ждали его.

Слова Разина: „Я пришелъ дать вамъ льготы и свободу",—разносились по всей Руси, какъ благовѣстъ. Но радость народа оказалась преждевременной, самодержавіе еще было сильно. Оно опиралось на войска, на организацію, а народъ, хотя и былъ единодушенъ въ своемъ стремленіи вырваться изъ рабства, но дѣйствовалъ неумѣло. Народъ не имѣлъ никакой подготовки къ борьбѣ, которая началась для него неожиданно. Правда, и тогдашнее царское правительство

было захвачено врасплохъ, но его замѣшательство оказалось временнымъ.

Царь и его слуги знали, что имъ дѣлать, и все у нихъ оказалось подъ рукой: и снаряженіе, и привычка управлять, и знаніе ратнаго дѣла. Народъ же умѣлъ только разрушать, а не создавать; онъ и не зналъ даже, какъ нужно строить новое государство, которое было бы хорошимъ для него.

Захвативъ такъ много городовъ, селъ и деревень, Степанъ Разинъ и его сторонники не завели тамъ никакого порядка, а только все стремились больше и больше разрушать. Въ этомъ и была слабость мятежа. Царское правительство понимало это и готовилось нанести вѣрный ударъ, понимая, что первая неудача сразу разобьетъ волну народнаго возстанія. Такъ и случилось. Пока мятежъ катился по Руси, какъ степной пожаръ, захватывая вширь и вдаль и не встрѣчая препятствій, онъ горѣлъ яркимъ пламенемъ. Но, какъ только Разинъ подъ Симбирскомъ встрѣтилъ сильное войско, сильное военнымъ строемъ и дисциплиной, его успѣхи сразу измѣнили ему. Войско Разина было разбито, сторонники его разбѣжались, а самъ Разинъ былъ выданъ и казненъ послѣ ужасныхъ пытокъ въ 1670 году въ Москвѣ.

Мятежъ такимъ образомъ былъ подавленъ, народъ запуганъ моремъ крови, и все осталось по старому, въ томъ видѣ, какъ это было выгодно царю и его вѣрнымъ слугамъ. Эти враги народа продолжали гнуть свою линію и все больше и больше порабощали народъ, пока снова не довели его до бунта.

Второй бунтъ.

Этотъ новый большой бунтъ произошелъ послѣ цѣлаго ряда меньшихъ бунтовъ, при императрицѣ Екатеринѣ Второй, которая вошла на престолъ черезъ преступленіе и ради упроченія своей власти допустила своихъ любовниковъ задушить своего мужа, императора Петра Третьяго.

Въ это время уже всѣ и думать забыли, что народъ когда-то былъ свободнымъ, что крестьяне такіе же люди, какъ и всѣ. У Екатерины были хорошіе войска и полководцы, и, какъ женщина хитрая, она всяческія льготы давала военнымъ людямъ, особенно гвардіи, чтобы всегда имѣть вѣрныхъ защитниковъ самодержавія. Въ мудрость ея вѣрили помѣщики, и уже, не боясь народа совершенно, мучили его невозможно. Истомляя крестьянъ работой, помѣщики были властны и надъ самой жизнью ихъ. За малѣйшую провинность, за несоленыя щи, напримѣръ, запарывали розгами; за тотъ или другой проступокъ, вродѣ упомянутаго, выщипывали бороды, палили лучиной волосы, ставили на горячую сковороду, сажали на ледъ и т. д.

Защиты же у крестьянъ, какъ и при Иванѣ Грозномъ не было, на Руси все также не миловали невинныхъ; было даже хуже — Екатерина приказывала бить плетьми всѣхъ, кто жаловался ей на помѣщиковъ.

И при Екатеринѣ, какъ при царѣ Алексѣѣ, народъ не выдержалъ ужасныхъ страданій и сталъ волноваться, а съ 1773 года началъ открытый мятежъ. Во главѣ бунта и на этотъ разъ всталъ донской же казакъ, по имени Емельянъ Пугачевъ.

Онъ выдалъ себя за Петра Третьяго, будто бы спасшагося отъ смерти. Но, какъ ни теменъ тогда былъ народъ, онъ не пошелъ бы за Пугачевымъ, если бы тотъ не шелъ за народъ противъ притѣсненій со стороны помѣщиковъ и Екатерины.

Пугачевъ это понималъ и писалъ въ своихъ манифестахъ, что дастъ народу землю и волю, писалъ, что накажетъ жестоко всѣхъ, кто притѣснялъ и мучилъ народъ, а это было главное. Бунтъ этотъ былъ такъ великъ, что захватилъ всю Россію и серьезно угрожалъ трону. Можно сказать, что онъ былъ больше разинскаго бунта; но все же, какъ и разинскій, такъ и пугачевскій бунтъ ни къ чему не привели.

Дѣло въ томъ, что измученный и озлобленный, но темный народъ, разрушая рабскія оковы, устроить своей жизни не умѣлъ. Поэтому эти оба мятежа несли съ собой только разгромы и разореніе родины, нисколько не исправляя того зла и своевластья, которыя эти бунты вызывали. Объясняется такой ходъ народныхъ возстаній тѣмъ, что въ ту пору не было просвѣщенныхъ и образованныхъ руководителей изъ самого народа.

Правда, при Екатеринѣ немногіе изъ образованныхъ людей были друзьями народа, но ихъ жестоко преслѣдовали, и ихъ голосъ до народа не доходилъ, а большинство дворянъ того времени стояло только за свои выгоды и дѣйствовало заодно съ царицей. Образованные и простые люди и не понимали другъ друга. Это взаимное непониманіе сказалось и въ третьемъ возстаніи, которое подняли уже сами образованные люди, возмущенные царскимъ самовластьемъ и произволомъ ихъ слугъ.

Возстаніе декабристовъ.

Это произошло при внукѣ Екатерины Второй— Николаѣ Первомъ. Николай вступилъ на престолъ послѣ брата Александра Перваго, который царствовалъ двадцать пять лѣтъ послѣ того, какъ согласился на убійство отца своего, Павла Перваго.

Императоръ Александръ Первый подъ конецъ жизни очень боялся за свое самодержавіе и, полагая, что солдаты надежнѣе всѣхъ другихъ, задумалъ вмѣстѣ съ совѣтникомъ своимъ Аракчеевымъ чуть не всю Россію обратить въ казарму, забить и замуштровать народъ такъ, чтобы онъ только слѣпо повиновался. Это была такая безумная затѣя, что даже друзья царя отговаривали его отъ этого, но царь уперся. „Я введу это, — говорилъ онъ, — хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова“.

И вотъ всѣ подобныя безумства и звѣрства нашихъ царей заставили многихъ опасаться за судьбу народа и за судьбу родины. Среди офицеровъ составился заговоръ, въ которомъ участвовали полковникъ Пестель, братья Муравьевы, поэтъ Рылѣевъ, князь Трубецкой, генералъ Фонвизинъ, полковникъ Давыдовъ, Каховскій, Бестужевъ-Рюминъ, князь Волконскій; къ нимъ примыкали Николай Тургеневъ, Пущинъ, Батенковъ, Серг. Муравьевъ-Апостолъ, и многіе другіе.

Уговорившись между собой, заговорщики рѣшили произвести переворотъ 14 декабря 1825 года, когда должны были присягать Николаю Первому, послѣ смерти Александра. Часть солдатъ отказалась отъ присяги и, построившись въ боевомъ порядкѣ, ждала присоедине-

нія другихъ. Но другіе солдаты были еще темны, а разсуждать не умѣли и не смѣли. Произошло столкновеніе, возставшихъ разогнали оружіемъ, и опять самодержавіе побѣдило, ибо народъ не могъ поддержать своихъ заступниковъ. Заговорщики въ числѣ 5 были повѣшены: Пестель, Бестужевъ-Рюминъ, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ и Каховскій, и около 200 человѣкъ посланы въ Сибирь, на каторгу.

Все царствованіе Николая Перваго шли непрерывно крестьянскія волненія. Когда же въ 1853 году началась наша война съ Турціей и потомъ Англія и Франція къ ней присоединись, то оказалось, что государство наше къ войнѣ какъ это случилось на нашей памяти въ Японскую войну, совсѣмъ не было готово. Мы были разбиты, Николай Первый отравился отъ обиды, и опозоренная, разоренная и рабская Россія перешла по наслѣдству къ Александру Второму.

Освобожденіе крестьянъ.

Новый царь былъ напуганъ всѣми этими событіями. Онъ боялся и крестьянскихъ бунтовъ, и недовольства со стороны высшихъ слоевъ, дворянства, чиновничества, и особенно со стороны образованной части общества, которое полагало, что Россія не можетъ быть сильной до тѣхъ поръ, пока народъ не освободится отъ рабства. Кромѣ того и самъ онъ понималъ, что, если онъ народа не освободитъ, то народъ самъ себя освободитъ.

Александръ Второй подписалъ манифестъ объ освобожденіи, но изъ опасенія обидѣть помѣщиковъ—

вѣрныхъ слугъ самодержавія,—несмотря на требованія лучшихъ людей, надѣленіе крестьянъ землею было произведено въ весьма недостаточномъ размѣрѣ за слишкомъ большую выкупную цѣну.

Однако, на радостяхъ народъ сначала этого и не замѣтилъ, раскусилъ это онъ послѣ, когда увидѣлъ, что ему на своей землѣ не только „корову,—куренка выпустить негдѣ". А царь, между тѣмъ, началъ тянуть назадъ, поддаваясь совѣтамъ противниковъ свободы. Такое поведеніе вызвало напряженную дѣятельность революціонеровъ, борьба которыхъ велась съ настойчивостью въ теченіе почти 20 лѣтъ и закончилась убійствомъ Александра Второго.

На этомъ пока закончилась борьба съ самодержавіемъ и его приспѣшниками. Народъ добился освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но земли не получилъ. Но и воля его была небольшая. Крестьяне далеко не получили всѣхъ правъ, какими пользовались другія сословія, ихъ даже драли розгами, какъ малыхъ дѣтей, а вскорѣ „вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ—придумали много иныхъ"—фабрика привязала къ себѣ голоднаго рабочаго, а высокая аренда—мужика къ землѣ.

Наступившее царствованіе Александра Третьяго совсѣмъ пригнуло народъ. Этотъ самовластный, невѣжественный и грубый человѣкъ вмѣстѣ со своимъ другомъ - совѣтникомъ Побѣдоносцевымъ задумалъ почти все взять обратно изъ того, что удалось добиться народу при его отцѣ. Только крѣпостного права онъ не могъ снова ввести, но зато онъ завелъ земскихъ начальниковъ, полиціи же, жандармовъ и всякихъ опричниковъ столько повсюду было поставлено, что они скрутили Россію въ бараній рогъ.

При этомъ царѣ Россія ни съ кѣмъ не воевала, воевала только полиція и жандармы со своимъ народомъ. Но это вмѣстѣ съ неумѣлымъ хозяйничаніемъ самодержавной власти, такъ ее разстроило, какъ самая изнурительная война. Россія обнищала, измучилась, и вся машина ея государственнаго управленія превратилась въ гниль. Однако за это время русское общество, рабочіе и крестьянство многое поняли. Революціонеры и соціалисты работали и готовились къ новой борьбѣ съ начинавшимъ умирать самодержавіемъ. Что самодержавіе въ это время дѣйствительно начало умирать, подтвердилось послѣ, при Николаѣ Второмъ.

Революція 1905 г.

Послѣ смерти отца Николай Второй, желавшій изо всѣхъ силъ быть самовластнымъ царемъ, воображалъ, что онъ всесиленъ. Онъ всегда твердилъ, что онъ — такой же самодержецъ, какъ его предки — Екатерина, Александръ, Николай и т. д., и что отъ самодержавія онъ не откажется.

Однако и при немъ работа общественныхъ силъ земствъ, рабочихъ и крестьянскихъ организацій, не прекращалась. Силы свободной Россіи накапливались и ждали случая. Это видѣли и чуяли всякіе царскіе сыщики и доносили провокаторы. Всѣ враги народа, отъ полицейскаго участка до царя и его клики включительно, понимали, что гроза надвигается.

Чтобы избѣжать этой грозы, они затѣяли войну съ Японіей, думая, что народъ не пойметъ ихъ игры. Но война эта оказала Николаю Второму и его под-

ручнымъ плохую услугу. Она показала народу все неумѣнье царя и его слугъ управлять Россіей, показала ясно всему народу, какъ эти правители ведутъ родину къ гибели и позору, доказала, какъ эти господа опасны и вредны, какъ они расхищаютъ народное достояніе.

Но народъ все еще думалъ, что царь ничего не знаетъ, что его обманываютъ, и довѣрчиво пошелъ 9 января 1905 года къ его дворцу просить, чтобы онъ вникъ въ народныя нужды и устранилъ все зло изъ русской жизни. Царь Николай разсѣялъ эту вѣру: онъ встрѣтилъ толпу пулями, залилъ дворцовую площадь народной кровью. Онъ еще разъ подтвердилъ истину, что цари уступаютъ не тогда, когда ихъ просятъ и умоляютъ, а тогда, когда они дрожатъ отъ страха.

Всеобщая забастовка, возстанія въ войскахъ и во флотѣ, крестьянскіе бунты, терроръ, все это испугало Николая Второго такъ, что онъ хотѣлъ бѣжать заграницу къ нѣмцамъ и просить Вильгельма прислать нѣмецкія войска усмирять русскій народъ.

Потомъ, подъ вліяніемъ болѣе умныхъ совѣтниковъ, онъ рѣшилъ остаться и откупиться отъ народнаго гнѣва созывомъ Государственной Думы. Былъ объявленъ манифестъ, и въ то же время начались погромы, аресты, убійства, ссылки. Николай Второй увидѣлъ, что армія устала послѣ войны и въ возстаніи народа не приметъ участія всей своей массой. Онъ осмѣлѣлъ и сталъ снаряжать карательные отряды, чтобы запугивать населеніе. Разогналъ Думу, потомъ созвалъ вторую, затѣмъ рабочихъ,—депутатовъ которой приказалъ арестовать и сослать однихъ на каторгу, другихъ на вѣчное поселеніе. Мало того, самые законы о Думѣ и народныхъ свободахъ онъ измѣнилъ такъ, что отъ свободы и слѣда не осталось.

Казалось Николай Второй и на этотъ разъ побѣдилъ народъ, но это только казалось. Россія, разоренная преступной войной съ Японіей, только затаилась на время. Она не только залѣчивала раны, но готовилась и къ новому, послѣднему бою съ самодержавіемъ.

За это время, особенно подъ вліяніемъ страшнаго разгрома, какой намъ принесла неудачная война съ Японіей, всѣ сословія русскаго народа объединились въ одномъ желаніи—свергнуть гнетъ ненавистнаго царскаго произвола.

Паутина сыска и провокаціи гуще и гуще оплетала Россію; всюду были военныя положенія, усиленныя охраны; тюрьмы и мѣста ссылокъ были переполнены студентами, рабочими и крестьянами; печать была задавлена. Но все же силы революціонной Россіи росли не по днямъ, а по часамъ. Расправа съ царской кликой стала желанной для всей Руси, грозный часъ приближался, и вся страна готовилась къ рѣшительному бою.

Побѣда народа.

Этого боя, увѣнчавшагося такой блестящей побѣдой надъ царскимъ произволомъ, не пришлось ждать долго. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ наша родина была поставлена предъ новымъ жестокимъ испытаніемъ: на насъ напалъ сильный и безпощадный врагъ—Германія.

Русскій народъ, какъ одинъ, всталъ грудью на защиту своей родины, а на тронѣ и около трона оказались предатели. Царь и его слуги испугались, что народъ такъ вѣрно понялъ опасность, такъ горячо всталъ на защиту родной земли.

Государственная Дума, которая видѣла ближе всѣ дѣла правительства, знала, что оно ничего не понимаетъ, что оно такъ же не сможетъ защитить родину, какъ не смогло этого сдѣлать въ Японскую войну. Но Николай Второй ненавидѣлъ Думу, ибо онъ ненавидѣлъ всѣхъ,кто могъ управлять Россiей лучше его; онъ ничего не хотѣлъ принимать къ свѣдѣнію, а слушалъ только проходимца Распутина и сожалѣлъ вмѣстѣ со своей женою Александрой, что началъ войну, ибо русскій народъ ему былъ страшнѣе германцевъ.

Когда Дума стала раскрывать всякія злоупотребленія министровъ и царскихъ любимцевъ, царь возмущался ея своеволіемъ, ибо для него былъ ножъ острый, когда народъ черезъ своихъ депутатовъ вмѣшивался въ государственныя дѣла, которыя царь считалъ только своими. Онъ видѣлъ въ работѣ Думы посягательство на самодержавіе и все больше и чаще поглядывалъ на Вильгельма, думая заключить съ нимъ миръ отдѣльно отъ союзниковъ, чтобы скорѣе подавить силой народное недовольство.

Когда же Дума среди его любимцевъ указала на Сухомлинова, военнаго министра, какъ на главнаго предателя и германскаго шпіона, царь пришелъ въ ярость. Представленные документы доказали предательство, и Николай Второй долженъ былъ ихъ признать. Но, даже подписывая отставку Сухомлинова, онъ не выдержалъ и сказалъ:

— Этой отставки я не прощу Думѣ!

Правда, онъ и его супруга скоро утѣшились и приблизили къ себѣ другого шпіона, нѣмца Штюрмера, и сдѣлали его главнымъ министромъ.

Но и Штюрмера Дума свалила съ министерскаго мѣста

и назвала нѣмецкимъ слугой, намекнувъ и на то, что сама царица близка къ шпіонскимъ дѣламъ.

Тогда царь выбралъ себѣ въ помощники Протопопова, человѣка мелкаго, неумнаго и поглощеннаго только заботой о своемъ благополучіи; и началъ съ нимъ готовиться къ борьбѣ съ обществомъ. Пошли запрещенія печатать въ газетахъ правду, началась усиленная подготовка полиціи, обученіе ея пулеметной стрѣльбѣ и т. д.

Но времена были уже не тѣ. Армія наша перестала быть просто арміей, она стала вооруженнымъ народомъ. Она уже не могла быть слѣпой машиной. Каждый день вливались въ нее свѣжія и свѣжія подкрѣпленія изъ рабочей среды, а офицерскій составъ пополнялся учащейся молодежью. Люди, пришедшіе изъ тыла, разсказывали то, что узнавали изъ Думы о предательствахъ и преступленіяхъ царя и его прислужниковъ.

Земскіе союзы, городскіе, военно-промышленные комитеты и другія общественныя организаціи знали, какъ правительство своей бездѣятельностью, безтолковостью создаетъ разстройство движенія желѣзныхъ дорогъ, какъ правительство мѣшаетъ выдѣлкѣ снарядовъ, обуви, одежды и т. д.

Прибывавшіе съ фронта раненые разносили по всей Россіи вѣсти: какъ ихъ предавали измѣнники, какъ солдаты гибли цѣлыми полками изъ-за того, что правительство не посылало снарядовъ, разсказывали, какъ разные генералы, любимцы царя и царицы, безъ бою сдавали крѣпости германцамъ.

Тѣ, кто жилъ въ городахъ и селахъ, узнавали, какъ нѣмцы брали у насъ кусокъ за кускомъ родную землю,

видѣли, что правительство всюду и во всемъ играетъ въ руку нѣмцамъ.

Когда все это стало ясно, когда при этомъ народъ вспомнилъ, что изъ-за предательства царской семьи и министровъ Сухомлинова, Штюрмера и др., погибли тысячи его братьевъ, отцовъ, сыновей, и готовится гибель отечеству, — народъ возсталъ, возстала и вся армія.

Всѣ прислужники стараго строя вмѣстѣ съ Николаемъ Вторымъ и его женой были смыты волной народнаго негодованія и смыты навсегда. Но жалкій и безчестный Николай Второй, какъ его жена и подручные, таили въ самые послѣдніе часы своего господства дьявольскіе планы.

Они хотѣли открыть минскій фронтъ и безъ боя пропустить нѣмцевъ въ самое сердце Россіи. Они шли на позоръ и полный разгромъ нашей родины, лишь бы остаться на тронѣ, имѣть неограниченную власть и выкачивать изъ бѣднаго и нищаго народа милліоны, которые они тратили на житье въ свое удовольствіе и на содержаніе всякихъ Гришекъ Распутиныхъ, танцовщицъ и другихъ шарлатановъ.

Теперь русскій народъ разъ навсегда сбросилъ съ себя иго самодержавія, сталъ свободнымъ, сталъ самодержавнымъ властителемъ своей судьбы, и на Учредительномъ Собраніи, то-есть на всероссійскомъ сходѣ выборныхъ, установитъ образъ правленія, укрѣпитъ всѣ свободы и выработаетъ справедливый законъ о землѣ. Избавившись онъ отъ врага внѣшняго и, водворивъ окончательно новые порядки, можно будетъ спокойно порѣшить, какъ передать всю землю трудовому народу,

тѣмъ, кто будетъ ее обрабатывать своимъ трудомъ, своими руками.

Наступило такое время, о которомъ крестьянство мечтало вѣками, мучаясь подъ гнетомъ нужды и безправія. Сонъ уже переходитъ въ дѣйствительность. Овладѣвъ всей землей, имѣя всѣ права, русскій трудовой народъ получитъ возможность жить спокойно и по-человѣчески, и работать, и учиться, и быть уважаемымъ всѣми народами. Необходимо только обезпечить свое будущее, уничтожить опасность со стороны самодержавной Германіи, защитить отъ ея захватовъ родную землю. Разъ во главѣ государства вмѣсто сгнившаго самодержавія всталъ весь народъ, весь же народъ и всѣми силами долженъ дружно отстаивать свою родину, не разбивать своихъ силъ, не тратить ихъ на междуусобія и въ то же время всѣ силы приложить къ тому, чтобъ трудовой народъ и союзныхъ и враждебныхъ намъ странъ потребовалъ отъ своихъ правительствъ скорѣйшаго прекращенія войны, чтобъ они отказались отъ захватовъ и ограбленія другъ друга и обезпечили каждому народу возможность жить согласно своей волѣ.

II.

Какъ закрѣпить свободу народа.

Надо помнить, что важнѣе всего для насъ сумѣть, вмѣсто разрушеннаго стараго порядка, построить новый. Поэтому, всѣ трудящіеся должны объединиться, забыть на время личные интересы и пользы и думать о цѣломъ государствѣ. Прежде всего, конечно, при теперешней войнѣ, приходится думать о спасеніи нашей родины отъ захвата и раззоренія. Мы всѣ должны стать на работу и всѣ силы употребить на дѣло укрѣпленія свободы и счастья народа. Вѣдь мы дѣлаемъ это для себя, для всего народа, для нашихъ защитниковъ, которые въ окопахъ защищаютъ Россію и молодую русскую свободу. Вѣдь, если теперь рабочіе будутъ плохо работать на оборону, крестьяне не постараются дать и выработать какъ можно больше хлѣба для арміи и рабочихъ въ городахъ, а солдаты будутъ плохо сражаться,—то мы сами сдѣлаемъ то, что хотѣли сдѣлать Николай и Александра. Мы исполнимъ ихъ желаніе—откроемъ фронтъ для врага и предадимъ родину.

Нѣтъ, этого мы не сдѣлаемъ! Не для того вѣками русскій народъ лилъ кровь, борясь за свободу, чтобы снова отдать себя въ рабство! Теперь многіе, не понимающіе правильно интересовъ своей родины, кричатъ:

— Долой войну!

Они забываютъ, что почти 20 губерній въ рукахъ непріятеля, что, если мы бросимъ воевать, то нѣмцы-то не бросятъ, а будутъ гнать и бить насъ больше, чѣмъ при отступленіи изъ Галиціи и отъ Варшавы. Эти крики давно уже услышаны нѣмцами, и они хитро хотятъ нашими разногласіями воспользоваться. Они говорятъ намъ:

— Перестаньте воевать, васъ вовлекаютъ въ войну англичане и французы; если вы заключите съ нами миръ, то мы нѣмцы тоже свергнемъ своего кайзера, какъ вы царя свергли.

Наивно этому вѣрятъ многіе люди, вѣрятъ, что, разъ нѣмцы такъ говорятъ, то такъ и сдѣлаютъ. Вдумаемся только. Если нѣмцы дѣйствительно хотятъ революціи и низложенія Вильгельма, то почему они этого не дѣлаютъ во время войны? Вѣдь, мы не просили у нихъ перестать воевать, когда свергали съ престола Николая Второго. Вотъ, пусть раньше свергнутъ Вильгельма, тогда нашъ народъ вступитъ въ мирные переговоры со свободнымъ германскимъ народомъ, а пока мы имъ можемъ сказать только одно:

— Брататься съ вами, вѣрными слугами царя Вильгельма, намъ нельзя. Вы насъ просто обманываете. Мы повѣримъ вамъ тогда, когда вы будете не говорить, а дѣлать. Вы разорили Бельгію и Сербію, вы захватили всю Польшу и думаете мириться? Нѣтъ. Пока вы подчиняетесь своему царю, мы не повѣримъ вамъ. Мало

того—возвратите бельгійцамъ и сербамъ свободу, а полякамъ отдайте ихъ земли.

Между тѣмъ, на дѣлѣ-то выходитъ совсѣмъ иное. Братаясь съ нашими войсками на позиціяхъ, нѣмцы тайкомъ снимаютъ планы съ нашихъ укрѣпленій, усиленно сѣютъ смуту и ждутъ не дождутся, когда мы между собой перессоримся. Напримѣръ, нѣмцы бросаютъ нашимъ солдатамъ листки, написанные по-русски, въ которыхъ напечатано: „Уходите съ фронта домой. тамъ крестьяне землю дѣлятъ. Спѣшите, а то вамъ ничего не достанется“.

Есть такіе, которые этому вѣрятъ и бѣгутъ изъ арміи, не понимая, что предаютъ дѣло свободы. Этому неразумію помогаютъ и многіе изъ русскихъ людей, которые не учитываютъ требованій времени, призываютъ народъ сейчасъ-же дѣлить всѣ земли, не дожидаясь общаго рѣшенія. Этотъ призывъ вдвойнѣ неразуменъ. Во-первыхъ—дѣлить надо по справедливости, а не такъ, кто сколько захватитъ. Вѣдь такъ и цари и помѣщики самовольно захватывали земли въ свое время. Во-вторыхъ—нельзя этого самаго важнаго вопроса, вопроса о землѣ, рѣшать безъ тѣхъ, кто сейчасъ защищаетъ родину. Вѣдь въ солдатскія шинели одѣты милліоны русскихъ крестьянъ, которые тоже имѣютъ право на землю.

Вотъ, когда всѣ соберутся въ Учредительномъ Собраніи, тогда и рѣшатъ. Иначе выходитъ, что землю захватятъ богатѣи, а это такъ же вредно, какъ бросать войну. Понятно, что нѣмцы хотятъ, чтобы мы бросили воевать, и стараются обманомъ о раздѣлѣ земли заставить нашихъ солдатъ разбѣжаться съ фронта.

Одни соціалъ-демократы — большевики — это дѣ-

лаютъ по увлеченію, думая что уже настало время ввести въ жизнь соціализмъ, а другіе—черносотенцы—потому, что хотятъ народной смуты и междоусобій, чтобы захватить себѣ власть, которой у нихъ сейчасъ нѣтъ. Но не это главное, а главное то, что, какъ только начнется смута и разногласіе, насъ начнутъ бить нѣмцы, а всѣ приверженцы стараго порядка снова подымутъ голову и смогутъ снова при помощи нѣмцевъ задавить нашу свободу. А въ концѣ-концовъ можетъ получиться то, что случилось послѣ мятежей Разина и Пугачева. Будетъ пролито опять море народной крови, а мы, не создавъ ничего новаго, останемся при разбитомъ корытѣ. Начнутся безпорядки за безпорядками, и конца-края имъ не будетъ, и, вмѣсто того, чтобы намъ создать свободное и народное государство, мы до тла разоримъ свою родину и станемъ нищими и порабощенными.

Какъ же намъ избѣжать этой опасности, которая грозитъ намъ гибелью? Нужно, прежде всего, защищать родину отъ враговъ, потомъ, поддерживать наше Новое Временное Правительство, твердо помня, что въ него вошли шесть министровъ—соціалистовъ, вѣрныхъ народныхъ защитниковъ.

Не такое сейчасъ время, чтобы мы грызлись между собой. Во время пожара не ссорятся, а тушатъ всѣ вмѣстѣ, забывъ обиды. Вотъ избавимся отъ врага, закрѣпимъ свободу, установимъ на Учредительномъ Собраніи новые земельные порядки, тогда можно и между собой споры заводить, если будетъ за что. Въ свободномъ государствѣ, которому со стороны ничего не грозитъ, можно спокойно всѣ счеты свести.

Такимъ образомъ, самой ближайшей задачей нашей внутренней и внѣшней жизни является:

— Дружная работа изо всѣхъ силъ; мы должны, всякій кто можетъ, внушать арміи и солдатамъ, чтобы они защищали родину всѣми силами, стремясь сохранить необходимый порядокъ и дисциплину, а не слушали бы нѣмецкой лжи, и чтобы они были вѣрны Россіи и ея союзникамъ.

Это говорятъ и Керенскій, и Скобелевъ, и Церетелли, наши министры—представители трудового народа.

Вотъ слова военнаго и морского министра Керенскаго, обращенныя къ представителямъ съ фронта:

„Чего хотимъ мы, чего требуетъ русскій народъ, чего хочетъ русская революція? Русскій народъ никогда не былъ захватчикомъ! мы не хотимъ быть насильниками. Русскій народъ и его временное правительство поставили себѣ задачу кончить войну и протянуть народамъ не вооруженный кулакъ, а руку, братскую руку, во имя счастья всѣхъ трудящихся массъ.

„Путь этотъ труденъ. Онъ требуетъ много гражданскаго мужества и героическихъ усилій.

„Васъ смущаютъ братаньемъ. Я, какъ военный министръ, говорю вамъ, что это недопустимо. Мнѣ ваши товарищи солдаты сообщили, какъ, вслѣдствіе братанья, непріятель, высмотрѣвъ наши укрѣпленія, разстрѣливалъ наши батареи, которыя до того онъ не могъ даже обнаружить воздушной развѣдкой.

„Къ вамъ товарищи, подъ видомъ друга идутъ враги, которые не брезгаютъ никакими путями, чтобы достигнуть своего, а потомъ смѣются надъ вашимъ довѣріемъ.

„Я зову васъ не на возмущеніе. Я не хочу разжигать въ васъ слѣпой ненависти, а хочу, чтобы вы могли въ глубинѣ своей совѣсти найти отвѣтъ, стоитъ

ли защищать не монархію, а самую свободную республику въ Европѣ."

(Бурные аплодисменты. Крики: „Стóитъ. Умремъ, а не отдадимъ свободу").

Еще министръ Керенскій говорилъ, что миръ всѣмъ желателенъ, но какой миръ и какъ къ нему прійти? „Есть широкая открытая дорога, — говоритъ онъ — но есть и темные мрачные переулки, въ которыхъ можно потерять и честь и жизнь".

„Широкій путь—это путь къ побѣдѣ свободной Россіи въ тѣсномъ единеніи съ нашими храбрыми и честными союзниками; темный путь—это путь отдѣльнаго мира съ Вильгельмомъ, измѣна союзникамъ и предательство по отношенію къ родинѣ".

Такъ же говоритъ министръ-соціалистъ Церетелли: „Если бы мы сейчасъ подали свою братскую руку народамъ центральной Европы (то-есть нѣмцамъ) и заключили бы съ ними сепаратный (то есть отдѣльный безъ союзниковъ) миръ, то мы погубили бы свою страну. Для защиты своей свободы, ожидая пробужденія германскаго пролетаріата, мы должны сохранить всѣ силы и твердость нашего фронта, а въ тылу оказывать ему всѣми силами и средствами самую активную (то-есть дѣятельную) поддержку".

Вотъ, что говорятъ наши лучшіе люди, наши борцы за народную свободу и за народное благо. Это долженъ говорить всякій честный русскій человѣкъ темнымъ солдатамъ, бѣгущимъ съ фронта, ибо:

— Отечество на краю гибели!

Объ этомъ, прежде всего, надо думать и, учась на примѣрахъ прошлаго, надо знать, что въ единеніи и честномъ исполненіи обязанностей наше спасеніе. Если

мы спасемъ родину, остальное приложится намъ. Вѣдь мы теперь спасаемъ родину свободную и полноправную. Поэтому, прежде всего, нужно водворить строгій порядокъ и начать правильную работу, помогая другъ другу во всемъ, работать такъ, какъ работаютъ всѣ части одной машины, избѣгая ненужной и вредной сейчасъ смуты и застоя въ государственныхъ и военныхъ дѣлахъ.

Вотъ то, что стоитъ передъ Россіей въ первую очередь, остальное — мелочи. Разъ народъ самъ будетъ управлять собой, самъ будетъ своимъ правительствомъ и избавиться отъ внѣшнихъ враговъ — кто ему помѣшаетъ устроить жизнь такъ, какъ онъ хочетъ?

Въ свободномъ государствѣ, которое нужно прочно создать и закрѣпить, трудовой народъ сумѣетъ свободно и открыто добиваться соблюденія своихъ правъ и пользъ, открыто и свободно бороться за нихъ.

Валерій Язвицкій.

